

чаются, – поняла она. – А радоваться собственным радостям надо незаметно. И правда, учиться пришла, какое веселье.

Скромный белый фартук доставался из чемодана в том учебном году только три раза. А с лентами как-то не складывалось. Пришлось вместо нужных коричневых вплетать тёмно-синие, ибо других не было. Ни белых, ни чёрных перед учебным годом мама не успела купить, а здесь в магазинах их не оказалось. Женя терпела замечания, но ничего не говорила маме. Всё лето болела бабушка, а потом и вовсе умерла. Эта первая смерть близкого человека стала для Жени потрясением. Оказывается, все когда-нибудь умирают, что было представить невозможно. Как было жить дальше с этим знанием? Оно вдруг выныривало в самый неподходящий момент, пугало так, что потели ладони и скручивало живот.

Летом папа сдавал бесконечные экзамены и ждал назначения, потом спешно покупались дорожные ремни для ненадёжных чемоданов и дальней дороги. Потом дальняя дорога в Среднюю Азию отменялась и менялась на более ближнее Среднее Поволжье. Дома было нервно, суматошно, не до Жени и её первого класса. Какие ленты? Да и маму больше заботила очередная перемена школы старшей дочери. Восьмой класс – это вам не первый!

Между тем школьная жизнь текла строго по своему распорядку. Женя привыкала к нему, хотя иногда среди урока вдруг нестерпимо хотелось выскочить из класса и побежать что есть духу по коридорам, но бегать было нельзя даже на переменах.

ВАЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Не только учили буквы, писали в специальных тетрадях-прописях и считали. Иногда происходили какие-то другие разговоры.

Однажды учительница спросила, кто недавно был в Москве, столице нашей Родины, и выразительно посмотрела на Женю. Женя не подняла руку. Во-первых, что значит «недавно»? Прошло уже два месяца. Это давно. Во-вторых, Женя сегодня уже поднимала руку, когда всем было непонятно слово «жутко». А Женя помнила его объяснение, когда читала сама сказку про Конька-Горбунка, там была сноска на странице. Это слово как раз и объяснялось. Зато руку поднял Витька Попов.

– Я был в Москве летом, – сказал он важно.

– Что же там видел? – спросила учительница. – Расскажи нам.

– Я ничего не видел. Мы с бабушкой ездили креститься.

Все засмеялись. Все поняли, что Витька сказал несусветную глупость.

Все знали, что в церковь ходят очень отсталые старушки. И Витька, как та самая старушка... А Женя подумала, как странно получилось – никто другой, а Витя Попов поехал в церковь к попу. Это тоже все знали, что в церкви особые люди – попы. Никто, конечно, не сказал о мудрости бабушки, которая искала защиту для своего внука перед трудным школьным испытанием. И учительница опять поднимала Женю, чтобы она что-то рассказала про Москву, а она думала, как Витька глупо проболтался и его бабушку, наверно, поругают...

Ей хотелось рассказать, как она была вместе с папой на Красной площади на демонстрации Первого мая и даже видела на трибуне Сталина в белом парадном мундире. Папа специально поднял её повыше, чтобы она могла внимательно рассмотреть и запомнить... Но почему-то решила, что ей никто не поверит, и поэтому промолчала.

Мучительно долго тянулась первая четверть учебного года. Как же тогда осилить все впереди предстоящие десять лет? Женю это немного пугало, а сестра и соседка по дому – старшеклассницы этой же школы – внушали восторг и ужас одновременно. Восторг, что они так многому научились, а ужас, что они уже стали немного старыми. Тем не менее приближались и первые каникулы, и, что было более важным, – праздник Великой Октябрьской революции. Революция и каникулы как-то удачно дополнили друг друга праздничной атмосферой. Кругом красные флаги, на площади парад и демонстрация, все кричат «ура», играет духовой оркестр.

На последний в четверти урок учительница пригласила старшеклассницу. Она долго рассказывала про революцию, немного – про Владимира Ильича Ленина, побольше – про Иосифа Виссарионовича Сталина, которого совсем недавно не стало, и вообще про то, что революция уничтожила гнёт трудового народа. Слушать было трудно, но спросить про непонятное никто не решился. Только один Шурик Коган поднял руку и всё-таки спросил:

– Что такое «гнёт»?

Женя подумала в очередной раз, какой Шурик умный. Никому дела нет до этого гнёта, а ему есть, он всё хочет знать. Шурик уже много про что знал, и быть бы ему большим авторитетом в классе, если бы не физкультура. Никак не давался ему бег на месте. Все бежали в один лад, и только Шурик смешно подпрыгивал, пытаясь подстроиться под счёт учительницы. Смех и авторитет не уживались вместе. Женя немного подружилась с Шуриком, потому что их дорога домой после школы была общей. Осенние дни стояли тёплые, даже дожди были короткими и солнечными, почти летними. С Волги веяло свежим речным воздухом. Голубое прохладное небо было спокойным и ласковым. Забывались ту же мелкие школьные неприятности: вечная клякса в тетради по чистописанию, оставленные дома так нужные на уроке прописи, досадно неправильный решённый пример по арифметике и этот бег на месте! Шура нёс свой и Женин портфель. Как это получилось, где это подсмотрел Шурик, неизвестно, но теперь он мужественно нёс два портфеля. А Женя несла зонт – громоздкий чёрный зонт от дождя, часто совсем ненужный после обеда в разгулявшуюся погоду. Но иногда всё же дождь моросил и они с Шуриком шли под одним зонтом. А скоро Женя избавилась и от ношения зонта.

ТРИ ДОРОГИ ДОМОЙ

Возвращаться из школы можно было разными дорогами. И каждая дорога заслуживает отдельного рассказа. Но Жене больше всего нравилось свернуть в Краснознамённый переулок. Хотя почему свернуть? Это было ближе всего к её дому, которым была сначала гостиница «Москва» на главной